Ева и ее место на «лестнице Природы» в «Потерянном рае» Джона Мильтона

Чамеев Александр Анатольевич

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия

Eve and her place on the «scale of Nature» in John Milton's «Paradise Lost»

Chameyev Alexandre

Saint Petersburg State University (SPSU), St. Petersburg, Russia

Аннотация

Речь в статье идет о трактовке образа Евы в «Потерянном рае» Мильтона. Положив в основу поэмы ветхозаветную легенду о грехопадении первых людей, поэт изображает своих героев в согласии с концепцией «Великой Цепи Бытия» — иерархически упорядоченной цепи, тянущейся от Бога к самым низким формам материи. В каждом звене цепи есть своя иерархия, нарушение которой чревато трагическими последствиями. Есть такая иерархия и в звене, которое занимают Адам и Ева: на лестнице Природы Адам стоит одной ступенькой выше Евы, пребывает ближе к Богу, т.е. к духовным сферам бытия; Ева же теснее, чем Адам, связана с чувственным миром природы.

Abstract

Eve's place in the Great Chain of Being (or the scale of Nature) in Milton's «Paradise Lost» is discussed in the report. The Chain of Being is a hierarchical

chain spreading from God the Creator to the lowest material elements. Humans occupy a unique position on the scale of Nature: they are both flesh, as those below them, and also spirit, as those above. Each link of the chain has its own hierarchy: thus, in Milton's depiction, Adam is one level higher than Eve, he stands one step closer to God, while Eve stands one step closer to the world of physical creation. Any break in the divinely order of nature leads to dire consequences.

Ключевые слова: Мильтон, Ева, лестница Природы, «счастливое грехопадение».

Keywords: Milton, Eve, the scale of Nature, «fortunate Fall».

В англоязычном литературоведении трактовке образа Евы в эпосе Мильтона посвящена обширная критическая литература. В последние десятилетия интерес к теме был заметно подогрев полемикой между авторами статей откровенно

феминистского толка и их оппонентами. Первые (см., напр.: [Froula, 1983; Landy, 1974]) на разные лады упрекают поэта в проповеди патриархальных взглядов на роль женщины в обществе. Вторые (см.: [Tanimoto, 2005; Al-Badarnah, 2014]) в полемическом задоре нередко впадают в другую крайность, объявляя Мильтона едва ли не сторонником идеи полного равноправия полов и рассматривая его Еву как фигуру «профеминистскую». И те, и другие судят о «Потерянном рае» как о произведении, написанном не три с половиной столетия назад, а сегодня, совершенно игнорируя культурно-исторический контекст эпохи, в которую творил поэт. Показательно название опубликованной недавно статьи Дэна Вогела: «Ева как первая феминистка» [Vogel, 2012].

Мильтон был сыном своей переломной эпохи, пуританином, испытывавшим противоречивое воздействие религиозных и гуманистических идей. Это воздействие сказалось, разумеется, и на его представлениях о женщине, о взаимоотношении полов, о природе любви и брака. Первые люди в раю изображаются поэтом в согласии с концепцией «Великой Цепи Бытия» — иерархически упорядоченной цепи, тянущейся от Бога, творца всего сущего, к самым низким формам материи. В каждом звене цепи есть своя иерархия, нарушение которой чревато трагическими последствиями. Есть такая иерархия и в звене, которое занимают Адам и Ева: в изображении автора, на лестнице Природы Адам стоит одной ступенькой выше Евы, пребывает ближе к Богу, т.е. к духовным сферам бытия; Ева же теснее, чем Адам, связана с чувственным миром природы. Мильтон настойчиво подчеркивает,

что Ева, превосходя Адама внешней красотой, «по назначению Природы / Исконному» уступает ему в силе интеллекта [Мильтон, 1976, с. 239–240].

Поэт, бесспорно, разделяет общепринятое в его эпоху мнение, что мужчине должно принадлежать главенство в семье. Но даже тогда, когда Мильтон ведет речь о подчиненной роли женщины, он отнюдь не хочет тем самым низвести ее на положение покорной и безропотной служанки, простого орудия деторождения. Идеальная жена, как он писал в одном из своих трактатов, есть прежде всего верная подруга, увлекательная собеседница и надежная помощница, умеющая утешить и ободрить мужа в его трудах (см.: [Milton, 1959, 246]). Именно в такой роли и предстает Ева в «Потерянном рае».

Изображая чету первых людей, раскрывая их отношения, Мильтон воплощает в поэтических образах свое понимание брака, основанного на взаимном чувстве. Любовь Адама и Евы в «Потерянном рае» — идеальное сочетание духовной общности и физического влечения. В представлении поэта не только устремления духа, но и побуждения плоти божественны по своему происхождению. Материя, природа, плоть несут на себе печать божественности и не могут рассматриваться как зло; естественные инстинкты суть благо; следовать им — значит исполнять волю Божию (см.: [Мильтон, 1976, с. 130]). Признание законности и чистоты устремлений плоти имеет у Мильтона то же философское обоснование, что и у ренессансных художников, ибо подразумевает пантеистическое сближение Бога с природой; однако в этическом плане право личности на

наслаждение осмысливается поэтом иначе: он признает плотскую любовь допустимой лишь в браке. Автор «Потерянного рая» настойчиво подчеркивает, что чувство, связывающее Адама и Еву, санкционировано свыше, освящено супружескими узами.

Предназначение любви, по Мильтону, состоит не только в удовлетворении чувственных желаний, не только в стремлении к продолжению рода, но и в том великом облагораживающем действии, которое она оказывает на человека. Отдавая дань своим былым увлечениям платонизмом, автор утверждает, что подлинное чувство способно послужить влюбленным лестницей, по которой они могут вознестись к «небесной любви» (см.: [Мильтон, 1976, с. 241]).

Следует заметить, что, по идее автора, любовь Адама и Евы остается подлинно гармоничной и высоко духовной лишь до тех пор, пока герои сохраняют верность воле Божьей. Он хочет показать, что после грехопадения «гармония супружеской четы» разрушается: похоть поработщает их разум, «ураган страстей, / Страх, недоверье, ненависть, раздор / И гнев» подавляют их души — «еще недавно тишины приют / И мира» [Мильтон, 1976, с. 280–282].

Формально Мильтон остается в рамках традиционных толкований библейского мифа: эпизод размолвки между Адамом и Евой, призван передать, по его замыслу, процесс духовного разобщения героев. Однако трагическая ситуация, в которой они оказываются, придает их отношениям новую, более высокую степень одухотворенности. Адам, узнав о «гибели» Евы, решительно переступает черту, отделяющую его от

любимой, хотя и сознает, что тем самым ставит «человеческое» выше «божеского» (см.: [Мильтон, 1976, с. 273–274]); не менее самоотверженно Ева после грехопадения Адама предлагает целиком принять на себя грозящую им двоим кару (см.: [Мильтон, 1976, с. 314]).

Особое значение имеет в поэме концепция грехопадения. Желая обосновать грехопадение и совместить это обоснование с христианским учением о всеблагоем и всемогущем Боге, Мильтон пытается рационально, психологически объяснить отказ первых людей от состояния невинности. Он показывает, что в самом характере их таились те слабости, которые в конечном счете оказались для них роковыми: поэт рассказывает о сне Евы, предвещающем ее падение; он изображает ее предрасположенность к заблуждениям (Ева принимает лесное озерцо за «вторые небеса»), к самолюбованию (героиня очарована собственным отражением). Автор показывает, наконец, что Ева незадолго до грехопадения вступает в спор с Адамом (см.: [Мильтон, 1976, с. 251–257]), забывая о своем долге во всем повиноваться его высшей мудрости.

Поэт, однако, далек от безоговорочного осуждения своей героини. В его изображении вкусить запретный плод побуждает Еву не только тщеславие, но и неуемная жажда знания. В сомнениях Евы относительно греховности познания слышны отзвуки сомнений самого автора: для него оно — не грех, а благо, хотя за него и приходится платить порою дорогой ценой. Рисуя сцену грехопадения с сочувствием и пониманием, Мильтон вплотную подходит к философскому оправданию поступка своей героини, не

согласующемуся с ортодоксальной религиозной концепцией. Ведь опрометчивый, казалось бы, шаг Евы, влекущий за собой изгнание первых людей из рая и обрекающий род человеческий на жизнь, полную бедствий, трудов и лишений, в конечном счете — благодаря искупительной жертве Христа — должен обернуться великим благом для человечества, «счастливым грехопадением» (fortunate Fall). Не случайно в финале Адам, изумленный открывшимся ему замыслом Творца, «сомненьем обуян, / Раскаиваться ль должно о грехе / Содеянном иль радоваться... / Что к вящему он благу приведет» [Мильтон, 1976, 366].

Литература

- Мильтон, Джон.* Потерянный рай / пер. Арк. Штейнберга // Мильтон, Джон. Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-борец. М., 1976 (БВЛ). С. 25–372.
- Al-Badarneh, Abdullah F.* Milton's Pro-Feminist Presentation of Eve in «Paradise Lost» // International Journal of Applied Linguistics and English Literature. Vol. 3. No 4. July 2014. — URL: <http://dx.doi.org/10.7575/aiac.ijalel.v.3n.4p.105> (дата обращения: 15.06.2016).
- Froula, Christine.* When Eve Reads Milton: Undoing the Canonical Economy // Critical Inquiry 10, No 2, 1983. P. 321–347.
- Landy, Marcia.* Kinship and the Role of Women in “Paradise Lost” // Milton Studies, IV. Pittsburgh, 1974. P. 3–18.
- Milton, John.* Complete Prose Works. Volume II / Ed. Ernest Sirluck. New Haven: Yale University Press, 1959. 840 p.

Tanimoto, Chikako. Milton's Eve // Studies in Language and Culture. Nagoya University Press, 2005. Vol. 27 (1). P. 79–89.

Vogel, Dan. Eve — the First Feminist: John Milton's Midrash on Genesis 3:6 // Jewish Bible Quarterly. Vol. 40 (1), 2012. P. 19–24.

References